Анатолий Шутый

Путешествие в город дорог

Анатолий Шутый Путешествие в город дорог

Анатолий Шутый

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД ДОРОГ

Поэма-сказка

Ульяновск
УлГТУ
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ш 97

Шутый, Анатолий
Ш97 Путешествие в Город Дорог: Поэма-сказка/ А.Шутый. – Ульяновск : УлГТУ, 2017. – 115 с.: ил.

ISBN 978-5-9795-1718-6

Ожившие после потери своего хозяина четыре игрушки отправились в странствие… Они бродят по родному городу и по сказочной стране, выручая тех, кого встречают: дарят радость, помогают побороть несчастье и исправить ошибки. Они побеждают зло, и в награду им возвращается…
Эта сказка является уменьшенным и адаптированным для детей вариантом сказочной поэмы «Город Дорог».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Шутый А.М., 2017
ISBN 978-5-9795-1718-6 © Оформление. УлГТУ, 2017

Глава первая, в которой говорится о страшном происшествии и последующем за ним удивительном чуде, соединившем горе и радость.

Начну, пожалуй, не с начала,
А как придется – легче так.
Начну, как сердце застучало,
Как утром делается шаг.
К тому же где оно – начало?
Движенье? Мысль? Стремленье? Шаг?
Когда от солнца небо ало?
Или когда густеет мрак?
Начало в сердце – в жизни стуке!
Вот я и слушаю его.
А может быть, в последнем звуке,
Когда вся жизнь слилась в одно.
Не важно, как я рассуждаю –
Не в этом смысл, не в этом суть –
Важнее то, что начинаю,
И это наполняет грудь.
Всё, всё потом на место встанет,
Распределится по листам.
Что будет… будет уж не тайной.
Взглянуть сейчас бы, что же там!
Уже вокруг меня… не *тени*
(Тут вспомнил «Фауста» пролог),

И дня я не хочу быть с теми,
Кто тени здесь – помилуй, Бог!
Я чувствую вокруг дыханье,
И на картине алый мак
Качнулся будто от касанья…
Пора уж начинать. Итак.

О неизвестном ученом, который любил мечтать и смотреть в окно

О нем вы не найдете в томе
Энциклопедий. Век уже
Он жил в довольно старом доме,
И не на первом этаже.
Кем был, скажу немного ниже.
Как звали – тоже не вопрос:
Не это имя было ближе,
Но назовем его мы Os.
Один он был или с супругой,
Тут ошибиться я могу:
Подробности укрыты вьюгой,
Исчезли в прошлую пургу.
К тому ж не очевидна правда:
Душа одна иль не одна,
Кому она и в горе рада,
И за кого болит она.
Не надо доверяться слогу,
Где всё известно одному.

Открыта эта тайна Богу,
А нам вторгаться ни к чему.
В окно любил смотреть подолгу –
Так просто или ждал ее…
И песню напевал про Волгу…
Ну что еще. Пожалуй, всё.

Да, кем работал: он в науке
Мечтал свои плоды добыть.
Не всё ему давалось в руки,
Но это не сбивало прыть.
Хотел он размышлять о многом
В уединении, в тиши,
Беседовал порою с Богом
И чувствовал полет души.

О его игрушках

Забыл сказать я про игрушки –
Про увлечение его:
Солдаты, звери, нэцке, пушки…
Не перечислить тут всего.
Плоды фантазии чудные,
Иначе объяснить нельзя,
Он говорил, что все *живые*,
И все они – его друзья.
Как будто остаешься в детстве
Желаньем, поиском чудес…
Со сказкой легче среди бедствий,
Среди разлук… Труднее – без.

К окошку ставились зверушки,
Чтоб знали, время каково.
Иль поворачивал друг к дружке,
Чтоб не скучали без него.
Неужто всё это напрасно,
Фантазии неужто зря,
И в яви всё до «ять» нам ясно,
И «аш два о» творят моря?!
И как невидимое нами
Запрятать в комнаты орех?
Как разместить между стенами
Другую жизнь, и боль, и смех?

Иные возразят резонно:
Мол, у игрушек нет души,
Хоть и река чудес бездонна,
Такое ты поди сыщи!
Не буду спорить и повязку
Не повяжу я на глаза –
Всё так, но мы же пишем сказку –
Вверху фантазий паруса!
А может, Небо и подарит
Здесь *неживому* кровь и дух!
Один разок, на нашем Шаре,
Чтоб дух *живого* не потух!

О страшном и печальном происшествии

И так бы длилась жизнь игрушек –
Не знаю: быль или не быль, –
Но дом под утро был разрушен.
Взорвался, рухнул в камни, в пыль!
Возможно, газ, осадка грунта…
Да что там – множество причин.
Но люди выжили как будто,
И даже тот, что был один.
Квартиры пустовали в доме,
Поскольку в будни рухнул он.
А наш ученый… Был он в коме –
Его увез с крестом фургон.
«Нет, не помочь ему в больнице, –
Сказала женщина другой, –
Не боги ведь, как говорится.
Смириться уж пора с судьбой».

А рядом меж камней валялись
Его медведи и слоны…
Солдатиков и не пытались
Собрать у рухнувшей стены.
До них ли, право; лишь дивиться
Возможно – аж в глазах горчит,
Когда такое тут творится,
Когда… да что там… Помолчи.

Об удивительном чуде, по неизвестным пока причинам последовавшем за трагедией

И незаметно ночь настала,
Легла, как говорят, плащом,
Покрывшим черных бед немало.
Но вот сказать хочу о чём.
Когда стал шум от горя глуше,
И стих когда набатный бас,
У четырех его игрушек
Забилось сердце в тот же час.
Одна – Медведь из лазурита,
Размером с детскую ладонь.
Теперь нога немного сбита,
Но в облике добро и бронь.
Вторым был Носорог из бронзы,
С огромным шаром на спине.
Задумчивый, совсем не грозный –
Такой мне виделся во сне.
Солдатик – классики образчик,
Подтянутый – хоть на парад!
То был симбирский барабанщик –
Родного города солдат.
Была последней Черепашка
Из пластика, совсем мала.
Ах память, ты что неваляшка:
Как Черепашка мне мила.
Они взглянули удивленно
На небо! Голос сердца стих…

Оно торжественно… бездонно…
Такого не было у них!
Смотрело небо на малюток,
Действительно полуживых…
Летело время первых суток
Дороги долгой… для *больших*.

Там на углу был столб фонарный –
К нему игрушки подошли
Под слабый свет пустынный, рваный,
Как маяка в морской дали.
Прижались к серому бетону
На малом света островке.
К родному не вернуться дому,
В хозяйской не уснуть руке.

Не сталь и не подобны воску –
Живущие должны терпеть.
«Давайте выйдем к перекрёстку, –
Своим друзьям сказал Медведь. –
Быть может, встретим там кого-то…
И окна светятся в домах…
Наступит скоро непогода:
Уж птицы жмутся на ветвях.
Здесь неприветливо, безлюдно:
Что ожидает у руин?!
Конечно, дальше будет трудно,
Да только тут – конец один».
Держась друг друга, осторожно,
За шагом шаг, за шагом шаг

Пошли во тьму… Помилуй, Боже!
Наверно, нужно было так.

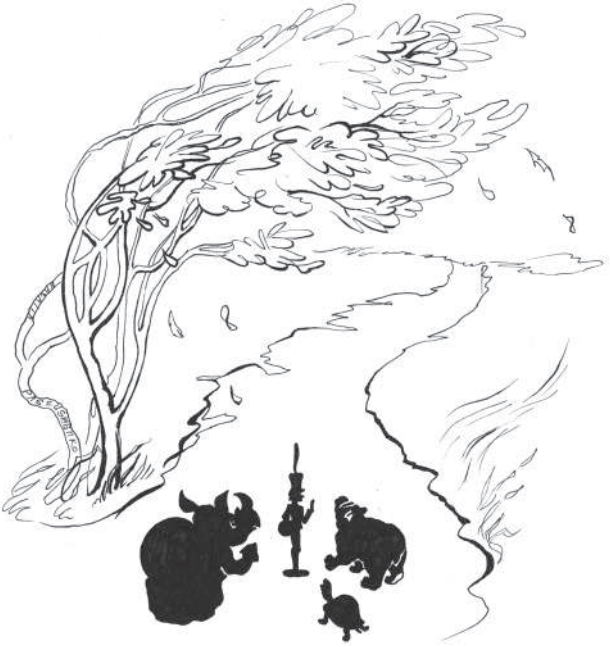
Но никого не повстречали
На перекрестке в этот раз,
И ни к кому не постучали,
А шли всё дальше… в поздний час.
Забились где-то под доскою.
Был рядом только Божий храм.
И дождь пошел с такой тоскою,
Как будто кто-то плакал там.
Заснули. Черепашке только
Под шум от капель не спалось.
Порой луны светила долька
Сквозь дождь и хмарь, и тучи сквозь.

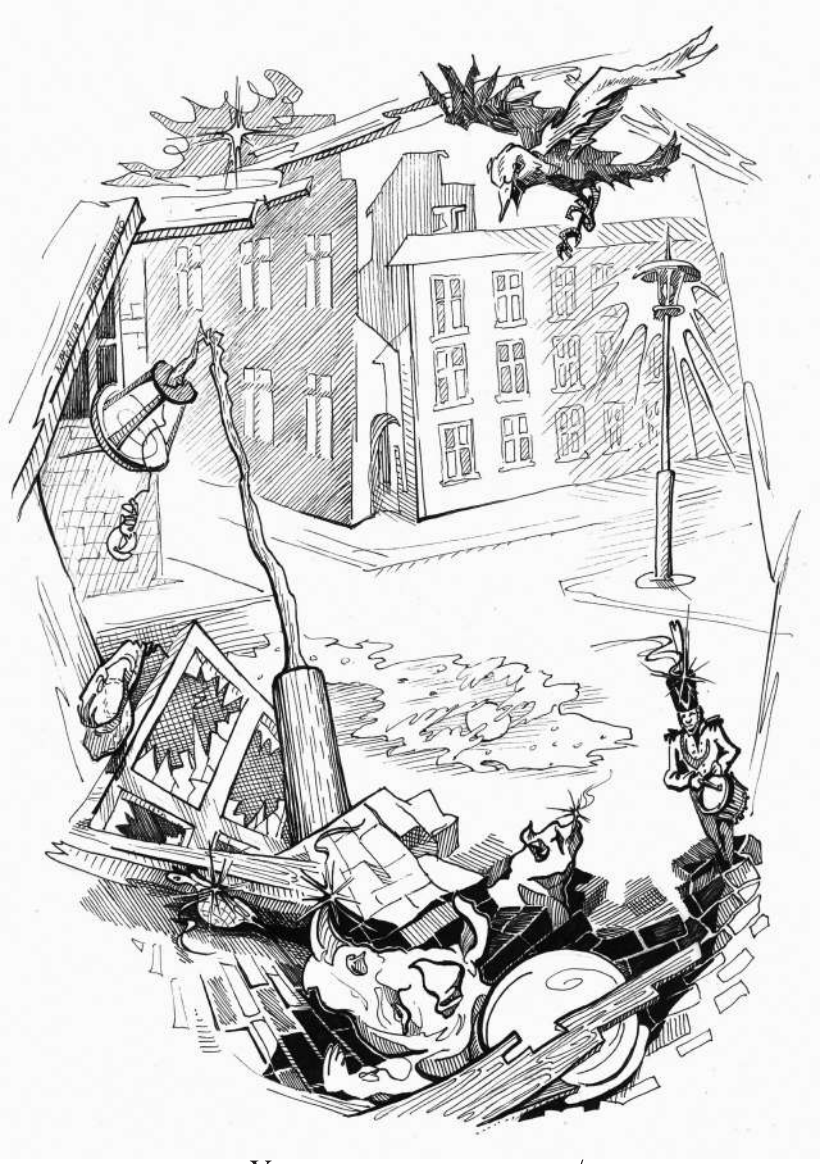
О начале путешествия друзей и о растворенных в воздухе голосах из прошлого

Хозяин не вернулся утром,
И значит, ожидал их путь –
Искать в холодном мире, хмуром,
Куда своей душой прильнуть.

Дорога шла немного в гору,
Росли кусты невдалеке…
Шептали листья: в эту пору
Они шуршат на ветерке.

Быть новой жизни очевидцем,
Иной листок растет весной.
И падает потом, и снится…
Мы с ними в *повести* одной.
Но *главы* не положишь в папку,
Не зачеркнешь, где был не прав…
……
Они всё дальше шли по парку
И вглядывались в лица трав.





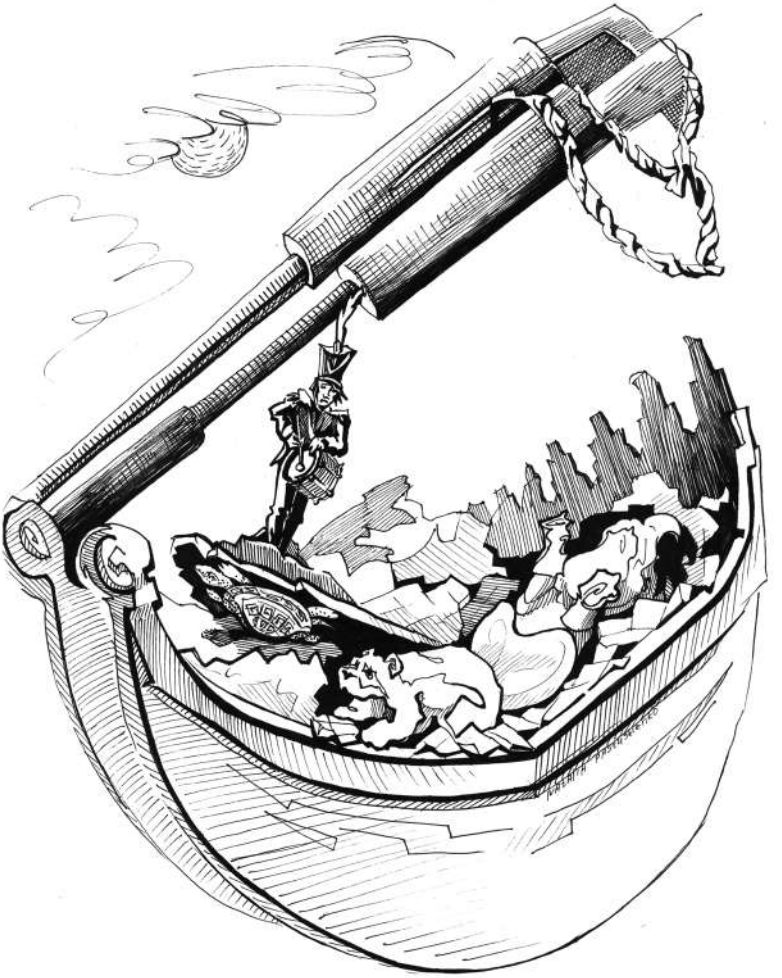
У четырех его игрушек /
Забилось сердце в тот же час.

Там на углу был столб фонарный – /
К нему игрушки подошли…

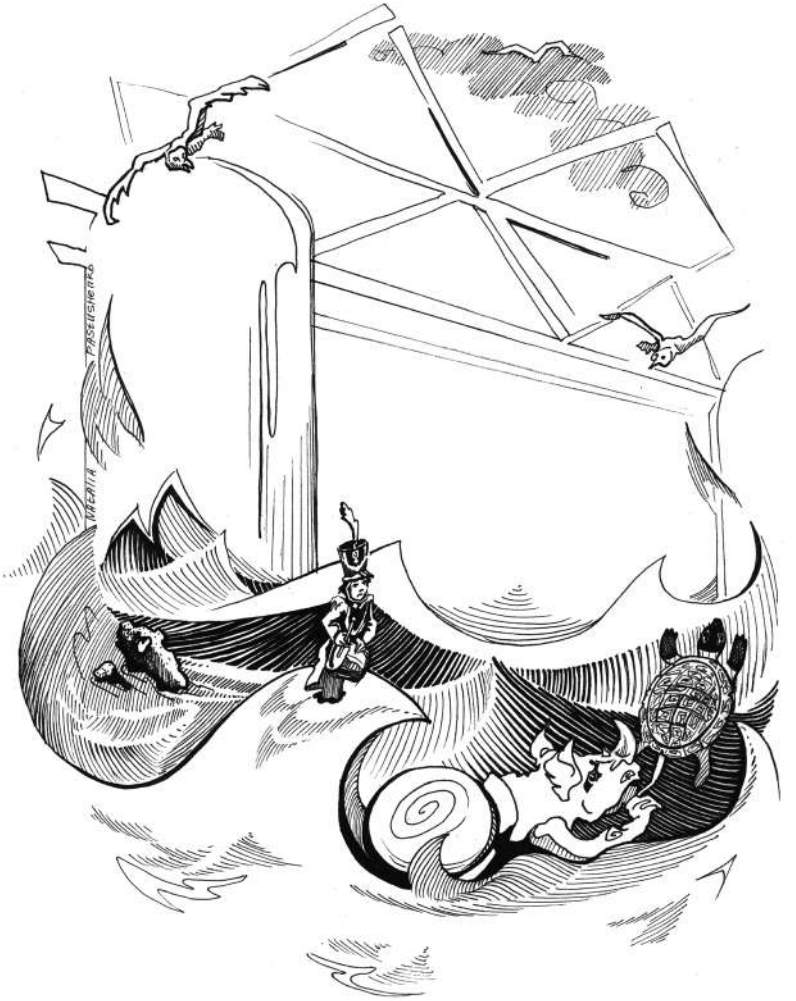
Наш Носорог рванулся вбок, /
Как раз наперерез движенью…

Он был смешон и несуразен: /
Болонки сын, но длинноват…

А вот и женщина идет! /
Восторг смешался тут со страхом…



Не слышно ничего от гула. /
Подняли их ковша клыки.



Но всех друзей влекло теченье, /
И за волною шла волна.

Там наверху гуляет ветер! /
И человек! Ужасный вид!»

Какие люди здесь чудные: /
Свет за окном – они все спят!

Отсюда начинались вехи /
Еще не пройденных дорог…

Глава вторая, в которой говорится о путешествии друзей по родному городу и о тех, кому они смогли помочь.

О приветливом разговорчивом кустике

Вначале им казалось жестко
Идти вперед, но как могли
Они уже до перекрестка,
Устав порядочно, прошли.
И всё же я не понимаю,
Как удается им идти.
Пока за ними наблюдаю –
Стоят недвижно на пути.
Но отвлечешься на секунду,
Глядишь – они уже не там.
Подробно объяснять не буду –
Да, непонятно это нам.
Они, как мы, идут как будто
(Порою обгоняя стих),
Но в «сказке», что идет попутно
Вдоль всей дороги возле них.
И могут прыгать через лужи,
И оттолкнуть или обнять,

И ежиться, дрожать от стужи,
И паутинку с ветки снять…
Всё, как и мы, но тут не видно –
Прикрыто сказочным платком.
А мне за это необидно –
Пойму когда-нибудь потом.
Итак, они у перекрестка –
Налево парк, направо дом.
Игрушек непривычных горстка
Остановилась под кустом.

И куст, слегка шурша ветвями,
Заговорил: «Привет! Привет!
Издалека слежу за вами.
Недавно вышли вы на свет?
Я что-то раньше вас не помню.
Какая позвала нужда,
И вышли для чего на волю?
Быть может, помощь вам нужна?»
И слова вставить не давал он –
Устал стоять и всё молчать:
Прохожих было тут немало,
Но разговора не начать.

«Как хорошо, что Вас застали, –
Сказал Солдатик невпопад, –
Точнее, что Вы нас признали,
Ну, то есть… В общем, очень рад!» –

«Да, мало кто меня услышит,
Вот и молчу я день-деньской.
Ведь куст и говорит, и дышит!
И часто мается тоской.
Так что вы ищете? Возможно,
Зеленый луг, тенистый сад!
Я покажу – совсем несложно.
Там клены дивные стоят…» –
«Нет, нас ведет другое дело», –
Медведь неловко перебил.
И Носорог продолжил смело:
«Хозяин наш тут раньше был?
А может быть, его родные?..
Они, наверное, нас ждут…
Здесь есть дворы непроходные?
Мы в них войдем, и нас найдут!
Или кому-то очень грустно?
Тогда останемся мы с ним!
И на душе не будет пусто:
Игрою мы развеселим…»

И рассказали всё неспешно,
Где жили и идут куда.
Куст переспрашивал, конечно,
Вздыхал и отзывался «Да…»
Потом, как был рассказ окончен,
Задумался и загрустил.
«Я тут стою и дни, и ночи –
Кто только тут ни проходил.

И судьбы разные, и лица…
Но быстро ускользают вдаль.
И пролетают, будто птицы,
Чужие горесть и печаль.
Бывает, радость ненароком
Промчится шумною рекой,
И в небе чистом и высоком
Помашет ангел ей рукой.
Того ж, о ком вы рассказали,
Наверно, видел много раз,
Но вспомню ли сейчас… Едва ли.
Тем огорчу, конечно, вас».

«Ну что ж, тогда пойдем, наверно, –
Вздохнул Солдат, – пора и в путь». –
«Постойте! Буду рад безмерно:
Есть просьба – задержитесь чуть.
На перекрестке я посажен,
И все бы было хорошо…
Бордюр уже порядком сглажен –
Стою как будто голышом.
При повороте тут машины
Нет-нет и лишнего возьмут,
И дальше заезжают шины,
И корни уж мои скребут!
А вы камней бы привалили –
Валун, кирпич бы принесли
Вон тот, неподалеку, или
Полегче, чтоб нести смогли.

Вокруг меня сложите горкой.
Земли сгребите, наконец.
И жизнь моя не станет горькой.
И каждый будет молодец!»

«Помочь всегда мы будем рады!
И принесем, и укрепим –
Не будешь больше без ограды.
Хоть что-то мы да смастерим!»
И все кивнули Носорогу:
«Поможем! Славно! Не беда!»
И понемногу-понемногу
Взялись тащить не без труда
Большие камни и коряжки,
И щебень, что лежал вокруг.
Досталось всем – и Черепашке.
Они работали как жук –
Как скарабей, что всех сильнее
(Ему лишь все они под стать)!
Медведь аж стал еще синее,
Не разрешив себе устать,
Копал песок, сгребая в кучу,
А Носорог кирпич толкал,
Солдат тянул большие сучья
И Черепашке помогал.

Когда всё сделали, умылись,
Себя в порядок привели,
Как с другом, с кустиком простились
И по дороге в парк пошли.

О спасенной входящей в этот мир новой жизни

Где клены нарядились ярко,
Рябина где была красна,
В сторонке на скамейке парка
Сидела женщина одна…
Читала книгу только-только,
Теперь же крикнуть не могла –
Мучительно ей стало больно, –
Она беременной была!
Над нею дерева качались.
Прохожих будто ветер сдул.
Машины лишь вдоль парка мчались,
И стоны заглушал их гул.
Беда стояла в полуметре,
Чтоб обратилась радость в скорбь.
И холод ощущался в ветре.
Два сердца ускоряли кровь.
Еще чуть-чуть, и жизнью хлынет
Она на камни, на песок…
И, не родившись, жизнь застынет!
Держал лишь ангел волосок.

Без лишних слов и промедленья
Наш Носорог рванулся вбок,
Как раз наперерез движенью –
Остановить машин поток!
Наверное, он мог погибнуть,
Раздавленный грузовиком,

Но тормоза успели взвизгнуть
(Он это понял лишь потом).
Водитель из машины вышел
«Валун» подальше зашвырнуть,
Но стоны женщины услышал –
Она едва могла вздохнуть.
Быстрей, быстрей – уже в кабине!
Урчит мотор – в пути уже –
О дочке или же о сыне
Запели ангелы в душе!

Еще кружила хмарь-тревога,
Но вскоре вышла благодать,
Поскольку кто-то, взяв у Бога,
Страницы жизни стал листать!
И вышло солнце этой вести!
Слезами ж радостной поры
Пролился дождик, чтобы вместе
Листвой захлопали дубы!

Малютки прыгали от счастья –
Светло и радостно в груди, –
Ведь тут закончилось ненастье!
Но… видно, дальше им идти.

О страшном случае, произошедшем с Черепашкой, и о том, что, оказывается, зло идет за нашими героями по пятам и всегда готово напасть

Они у тополя присели,
И мирным им казался мир:
Моря – без бури и без мели
И Белый Свет без черных дыр.
Так видится глазам ребенка,
Укрытого родной рукой.
Но сказки пронесутся звонко,
А что за сказочной строкой?

Чтоб нас пугать, мешать нам чтобы,
Проникли даже в естество
Они – исчадье лютой злобы.
Они – как чье-то колдовство.
Пришли откуда? Кто растил их?
Кощей? Волшебник? Чародей?
Не только слезы вызвать в силах –
Способны убивать людей!
Болезни, многие несчастья,
Что терпим мы, на их счету.
Возможно, приняли участье
И здесь, наслав на дом беду.

У путешественников наших
Пока что не было врагов

(Ведь слушались, конечно, старших:
У «сказочных» закон таков),
Но и на них уже армады
Теней полночных нанесло.
И ставятся кругом засады.
На жизнь в миру найдется зло!

Когда игрушки задремали –
Был беспокойным этот день –
Из царства Скорби и Печали
Неслышно к ним склонилась Тень.
То царство из ужасной сказки,
А сказка – это же не ложь,
Из этой сказки черной краски
Немало в жизни ты найдешь.
И эти сказочные тени
Еще порядком навредят:
Снесут мосты, поставят стены…
Они уже давно следят.
Кому в пути бывает гладко?
Хоть часто не видать врагов,
Незримость – это их повадка,
Но видим след от их рогов.
Вот и сейчас к игрушкам тихо
Вплотную Тень подобралась,
Схватило Черепашку Лихо
И бросила с размаха в грязь!

Потом подкинула над парком,
Кружила и рвала со зла,
И подлетевши к черным галкам,
Со стаей птичьей унесла.

Друзья проснулись – только трое
Осталось их среди ночи,
И снова было всё в покое,
Но шепот слышался: «Молчи…»
Свидетели событий страшных –
Деревья, что росли вокруг,
Среди домов многоэтажных,
Забыли уж, кто враг, кто друг.
«Молчи», – они шептали кроной,
Качая головой во тьме.
«Гуляет по дорожке ровной
Лишь ветер… да и то во сне…
Мы много видели печали
На перекрестках и в домах,
Но обездвижено молчали
И разуверились в делах.
Идет без нашего участья
За годом год, и вновь, и вновь.
И черный день сменяет счастье,
И одиночество – любовь.
И мы всегда, всегда молчали,
Как острова в потоке дней,
И только ветры нас качали.
Наверно, так всего верней.

Наверно, будет много хуже,
Когда мы вдруг заговорим:
Узлы судеб сожмутся туже.
Всё знать – не людям, нам одним!»

Медведь взревел: «Но мы не люди,
Нам сказка приоткрыла дверь,
Наш путь итак неведом, труден!
Вы нам должны помочь теперь!
Мы собираем текст посланья
Для всех живущих на земле
Великого иного знанья,
Чтоб не погибло всё в золе!
Чтоб не настигло истощенье,
Чтобы удар смогли снести!
А главное, для утешенья:
Чтоб знали, для чего идти!»

Деревья тихо зашумели,
Наверно, что-то обсудив,
И на минуту онемели.
Нагнулся клен, заговорив:
«Вы убедили – мы согласны:
Покажем Тени черный путь.
Но встречи с призраком опасны.
Готовы? Каждый скажет пусть».
Все закачали головами.
«По веткам побежит волна, –

Продолжил клен, – как под ветрами,
Да устремится как струна
От древа к древу! И покажет,
Где друга надо разыскать.
Союз дерев так Тень накажет!
Но от волны не отставать!»

И зашумели вмиг деревья,
Сражаясь ветками со мглой!
Сплелись рекой живые звенья –
Движенье понеслось стрелой!
Друзья, не медля и мгновенья,
Вперед пустились за волной,
Отбросив страхи и сомненья –
На похитителя войной!
Как руку им пожать хочу я,
Ведь каждый меньше малыша.
Они бежали, ног не чуя…
Да и, похоже, не дыша.
Как будто сзади пламя лижет –
По ямам, кочкам, что есть мочь!
Старались быть друг к другу ближе,
Чтобы упавшему помочь.
Без стонов и с одною мыслью:
«Она ведь всех слабей из нас», –
Под звездною бежали высью,
Летели – как в последний раз!

Деревьев вдруг движенье встало.
А где – во тьме и не понять.

И так пустынно, страшно стало,
Что дрожи в теле не унять.
Друзья вгляделись, оглянулись
По сторонам, назад, наверх…
Чуть выше и… и ужаснулись,
Аж холод пробежал у всех.
Увидели, не узнавая:
Она висела у дупла –
Игрушка, только… неживая –
Комок пластмассы ночь дала.
А Черепашка наша где же?
Наш беспокойный добрый друг?!
Никто из нас с ней не был нежен.
Где сердца маленького стук?
Они ее спустили с ветки –
Посуше тут земля была.
Прижались к ней тепло и крепко…
И Черепашка ожила!
Сверкнул на небе алый всполох –
Земли коснулась длань Небес…
И прежде на Ладонях голых
У Бога не один воскрес!
Не описать мне слез восторга –
Кто не терял, тем не понять!
Оставим их одних немного.
Они все четверо опять!

Так неужели счастью нужен
Беды, пусть временный, итог?

Неужто свет со мраком дружен,
Чтоб ощутить ты радость мог?!
Нет, это ложное мышленье:
Для радости не нужно слез,
И день не требует затменья,
Мороз не красит цвета роз!
Когда б не зло, в сто раз быстрее
Мы по дороге Солнца шли!
И там, где Дух Всевышний реет,
Другое счастье бы нашли!
Нашли бы то, что и не знаем,
О чем не можем и мечтать!
Когда же мы теперь алкаем,
Мечтаем голод обуздать.
Мы счастливы увидеть друга,
Покуда с ним разлучены,
И дом с камином, если вьюга…
Но видеть Бога рождены!
Скорее душу утешаем,
Приняв за нужное звено,
Мы злу в который раз прощаем,
Не зная, что творит оно!
Ну вот друзья и отдышались,
Обнявшись, простоявши час.
Не знаю я, о чем шептались…
Итак, продолжим наш рассказ.

О том, как буря разбросала друзей

Настало утро дня другого,
Ведь Солнце совершило круг…
Отправились малютки снова
Искать кого-то, чьих-то рук.

Никто из тех, кого встречали,
К себе их взять, увы, не мог.
Дворы, дома, кусты молчали.
Поник Медведь… и Носорог.
И день другой таким же вышел,
И третий новость не принес.
Коты мурлыкали на крыше,
И на прогулке лаял пес.
«Наверное, о нас забыли.
Мы никому уж не нужны…»
От слез прикрыты и от пыли
Глаза «виновных» без вины.
А пыль, однако, поднималась –
Не уберечь ни губ, ни век…
Да это буря приближалась –
Уже и горизонт померк!

Уже не видно в полуметре!
И как предупрежденье – гуд.
Живая сила будто в ветре.
Его удары хлещут, рвут!
Вдруг всё затихло на секунды,
И показался черный смерч!

Кружась, взлетели сучьев груды…
От вихря плоть не уберечь!
Он рыскал будто хищник – жадно!
Не разбираясь, вырывал
Траву, кусты… – ужасна «жатва»
И пировал смертельный шквал!
И притаиться бесполезно –
Моих друзей настиг он враз.
Дырою вверх раскрылась бездна –
От смерча их никто не спас!

Воронка дух перехватила
И, закруживши, понесла,
Как обезумевшая сила
В неизъяснимом танце зла.
Малютки встретили, обнявшись,
Стихии бешеный удар,
Быть только вместе попытавшись,
Но смерч их сразу разорвал.
И понесло их над домами
На рваном сумрачном крыле,
Как пух, всё большими кругами…
Куда – не разглядеть во мгле.
Но вскорости обмякла скверна –
Дел натворивши, столб устал
И по дворам, дорогам, скверам
Всё, что собрал он, разбросал.

Герои наши, если живы,
Теперь уж все разлучены.
Березы сломанные, ивы…
Дома и те разорены.
Но с этим справятся в неделю,
Лишь бы опять не началось.
И журналистам я поверю:
Без жертв на сей раз обошлось.
А сломанные крыши, окна
При той стихии – не беда:
Наш век из разных бедствий соткан –
Пройдет и это без следа.
Друзей же буря разбросала –
Не знаю даже, как сыскать.
А может быть, кого не стало.
Быстрей бы дальше пролистать.

О том, как разлука может в конечном итоге привести к долгожданной встрече

Давно, назад лет пять иль боле,
Четыре друга жили тут –
Когда один из них был болен,
Другие, не сочтя за труд,
Его насущные заботы
Тотчас же брали на себя
Без одолжений и зевоты,
Да и о долге не трубя.

Они повсюду были вместе.
Просить повторно – нет нужды.
Хвалили если, то без лести,
Когда ругались – без вражды.
Для них любимым стало место,
Где шар у клумбы – из кустов
(Точнее это неизвестно) –
Ходили много там часов.
Тот шар был как-то связан с детством,
С мечтами о лесах иных…
Возможно, для фантазий средство –
Кипучих, дерзких, молодых!
Но что-то у парней случилась –
У времени не счесть личин.
Не то, чтоб дружба развалилась –
Их разлучило сто причин.
Разъехались, сменив квартиры,
Да закрутились в суете.
Но стали одиноки, сиры.
И не сыскать друзей нигде.

По случаю, – конечно, Свыше,
Иначе б объяснить не мог, –
Тогда у них медведь был – *Миша*,
Солдатик, Муська, Носорог –
Игрушки – как герои наши –
У каждого своя была,
И вот среди коряг упавших,
Среди разбитого стекла

Они увидели малюток,
Которых буря принесла,
Поскольку не прошло и суток, –
Всегда есть сила против зла!
На разных улицах, но вместе
Они подняли странный дар
И дружбе верные, как части,
Пошли, где был у клумбы шар.
Не знаю, память или слезы…
Предчувствие ли повело
Туда, где пелась даже проза,
Где чудо снизойти могло.

На памятное место дружбы
Все сразу – четверо – пришли.
Ни дождь и ни дыханье стужи
Теперь бы повод не нашли
Не воскресить былое братство –
К земле приблизив Неба высь,
Вернуть нетленное богатство!
Они, как буря, обнялись!
Молчанье было песни краше,
Скупые слеза – как хрусталь!
И я б испил из этой чаши,
И было б ничего не жаль.
Потом расспросы, разговоры,
За век как будто бы за весь.
Они ушли довольно скоро,
Игрушки же оставив здесь.

Герои наши вместе снова,
Живые – радость тут проста!
Их дружба для того основа.
Они плясали вкруг куста!

Малютки прыгали от счастья –
Разлуки время позади,
И тут закончилось ненастье!
Но… видно, дальше им идти.

О том, как случай может соединить двух людей и как этот «случай» был создан

Дорога разве не ведома
У нас? Тем более у них.
Однажды, проходя вдоль дома, –
Где шум спешащих улиц стих, –
На окна глянули вполглаза
И взор не отвели уже:
Вниманье захватило сразу
Окно на третьем этаже –
Там юноша стоял. С тоскою
Смотрел на голый тротуар.
Картина та была простою,
Но взгляд его не молод – стар.
Смотрел… Но как-то безнадежно
Глаза порою опускал,

Порою улыбался нежно,
И будто бы кого искал…
Но снова углублялся в мысли,
Смотрел вперед… и в пустоту.
И мимо пролетали листья,
Покинув древа высоту.

Что в жизни-повести прочел он –
Какие дни его нашли?
Однако взгляд уж не был солон –
Знать, беды не вчера прошли.
Теперь же, тихо удаляясь,
Где части сердца быть всегда,
Смотрел в окно он, улыбаясь.
Что ж, грусть и нам ведь не чужда.
Не слыл он кислою занудой,
И бодрым был рабочий вид,
Но под сует дневною грудой
Нет-нет да сердце заболит.
На обозренье он не ставил,
Что лишь ему принадлежит.
И мы печаль его оставим –
Вторгаться нам не надлежит.

Игрушки же почти родное
Увидели в его чертах.
Пускай лицо совсем иное –
Глаза в несбыточных мечтах.

Как у хозяина когда-то.
Он тоже у окна мечтал…
Считаете, что маловато,
А я бы это не сказал.
Дается много схожих судеб –
Как братья-близнецы подчас.
И всё же то, что дальше будет,
Покажет не наставший час.

Совсем не думая над сутью, –
Познанья дар не всем стяжать, –
Мои друзья, проникшись грустью,
Решили парня поддержать.
Они хотели, как умели,
Потухший взгляд к себе привлечь.
Жаль, не могли, а то б запели,
Чтоб одиночество развлечь.
Солдатик сел верхом на Мишку
И начал под окном скакать,
А Носорог большую шишку
Стал рогом по земле катать.
И Черепашка в представленье
Своих друзей не подвела:
Легла на горб без промедленья
И закружилась как юла.
Он их заметил ли? Не знаю –
Топталось много голубей,
И всё-то на дорожке с краю.
А плюс, что не было людей.

Ну вот его уж нет в окошке –
То наших «цирковых» вина.
Но появилась на дорожке…
Как звать, не знаю, пусть – Она!
Когда она сравнялась с «труппой»,
Подумала, что из окна
Игрушки выпали всей купой.
Поднявши их, была нежна.
На окна посмотрела быстро –
Зашторены, и лишь одно…
Пускай неприбранно, но чисто.
Наверное, как раз оно.
«Кто же хозяин, интересно? —
Подумала, – их жаль. Тогда
(Что там случилось – неизвестно)
Я отнесу их – не беда».

Взошла летящею походкой,
Но не решалась позвонить…
Была их встреча не короткой –
Нашлось, о чем поговорить.
Как много общего бывает,
Лишь стоит сердце приоткрыть, –
И кто же этого не знает,
Но всё в себе хотят сокрыть.
Я забегу недель на двести
Вперед – не будем им мешать:
Он и она остались вместе.
А мог и дальше забежать!

Игрушки где же? Их забыли
Довольно быстро. Невзначай
На стол рабочий положили
Да и ушли пить с тортом чай.

Малютки прыгали от счастья –
Светило солнышко в груди, –
И тут закончилось ненастье!
Но… видно, дальше им идти.

Довольные, что день незряшный,
Что в жизни возрастет любви,
Все стали вспоминать вчерашний
Свой мир и век свой… Как могли?
Откуда-то взялись рассказы
Про чувства неземной красы –
Не улыбнулся я ни разу,
Но что-то пряталось в усы.
И ревность вспомнили, и оды,
И шепот при ночной звезде…
Игрушки… – кто подумать мог бы?!
Они успели это где?
Неторопливо шли, гуляя.
Нечасто путь покой давал.
Чуть виделась Луна седая…
Уже и вечер наставал.

О том, как Медведь провалился в колодец, об опасном сумасшедшем и добром прохожем

Когда несчастья и не ждали,
Раздался неприятный звук:
Железки вдруг заскрежетали –
Медведь упал в открытый люк!
Люк был завален кучей хлама,
А крышка сдвинута на треть, –
Картонка, миска с дыркой, рама…
На это и ступил Медведь.
Настолько всё лежало зыбко,
Что если воробей бы сел,
Нырнул и он бы в люк, как рыбка,
Коль в те секунды не взлетел.
Наш друг, ударившись о трубы,
Упал на ледяной бетон.
Свои он крепко стиснул зубы,
Иначе не сдержал бы стон.
Все на него смотрели сверху,
Но не могли ничем помочь.
Они шли, радуясь успеху,
И вот уж слезы рвутся прочь.

Взирал на небо из колодца,
Тянул к нему дрожащий нос…
Уже почти сокрылось Солнце.
Беда, похоже, что всерьез.

Неужто им втроем остаться
И знанье собирать втроем?!
Судьбе отдаться? Иль пытаться
Бороться с нею, как с огнем?
Да и судьба – Небес веленье?
Иль наших немощей итог?
В бессилье наше утешенье?
И силы явленной порог?
Не столб, что жесткостью исполнен,
Судьба – о нас начальный план,
Который может быть дополнен!
«Не каждый избран. Каждый зван!»
«Я не могу оставить друга! –
Сказал Солдат, – уж лучше смерть». –
«И мы! Любовь нам всем порука!»
Заплакал под землей Медведь.

«Так делать что?! Решайте, ну же!» –
«Самим Медведя не поднять». –
«Спустить бы что-нибудь поглубже,
Чтоб лапой получилось взять».
Пустились в обсужденье с жаром,
И только Мишка наш молчал.
Он даже показался старым,
Лишь головой чуть-чуть качал.
«А как по ветке иль веревке
Медведю влезть сюда?! Учти…» –
«Он сможет – лапы его ловки,
Ведь он же сказочный… почти».

У Мишки загорелись глазки,
И дух проснулся боевой –
Еще не так бывает в сказке.
Он одолеет! Не впервой!
Но ни веревки нет, ни сучьев –
Поблизости шаром кати.
А тут еще нависли тучи.
Быстрей хоть что-то бы найти!
Пошли Солдатик с Носорогом,
Осталась Черепашка тут,
Чтоб Мишку поддержать немного –
Да без нее быстрей придут.

Ходили долго – больше часа:
Зашли в подъезды и дворы…
Хотели ткань сорвать с матраса,
Но все лохмотья так стары.
Отчаянье уж было близко,
Когда зашли в один подъезд –
Стояла там для кошки миска
И… что такое? Черный крест!
И пять натянутых веревок
Крутых пролетов поперек.
И если ты не очень ловок,
Тотчас же будет кувырок!
Скажу вам, жил тут сумасшедший –
Мечтал, чтоб всяк «навек уснул»,
И вот, решение нашедши,
Веревки тайно натянул!

Друзья, что было, всё сорвали,
Не зная, «шутка» это чья,
И прочь, ликуя, убежали.
А тут уж лило в три ручья!

Скажу вам я: машина утром
Злодея, что творил дела,
И чье сознанье было мутным,
В больницу, видно, увезла.
Друзья бежали задыхаясь,
Так не бежали никогда!
О худшем думать опасаясь,
Ведь в люке прибыла вода!
Но что это?! Их Мишка встретил,
И Черепашка вместе с ним!
Бывают чудеса на свете,
А этот случай объясним:
Мужчина, проходивший мимо,
Взглянул в дыру. Залез. Достал.
Надвинул крышку. «Так терпимо», –
Сказал и в ливень убежал.

О том, как игрушки прятались под скамейкой и рассказывали о себе

Лилась вода как будто лейкой!
Обнявшись, верные друзья
Укрылись тут же – под скамейкой,
Но шторм и там разил, сквозя!

Ненастью не было и края,
Стучали струи по скамье.
Тогда, друг друга заслоняя,
Прижались бедные к земле.
И вдруг всё стихло в одночасье.
Воды ли кончился запас,
А может быть, ушло ненастье,
Чтоб мы продолжили рассказ.
Игрушки наши так устали,
Что не хотели выходить,
И под скамейкой задремали.
Не будем их сейчас будить.

Проснулись – было темновато,
Слышны лишь вдалеке шаги…
Пускай их смелость «в три обхвата»,
Но отправляться «не с ноги».
Зато есть час для разговора
Без хлопотни и беготни.
Всё вышло так нежданно, скоро.
А кто же, между тем, они?
Они и сами-то не знают –
То помнят прошлое, то нет,
Обрывки памяти витают,
И часть выхватывает свет.
«Себя я помню носорогом…
Но для чего зеленый шар,
Что за спиной? Знать, даден Богом!
Лишь ясно, что я не Икар!

Возможно, есть моя планета,
Где много листьев, хвои, трав…
И шар напоминает это.
Но я, скорей всего, не прав».

«А мне порой пустыни снятся, –
Сказала Черепашка вслед. –
Довольно трудно попытаться
Понять, откуда этот след.
Всегда на полке я лежала.
Живая *Муська* там была,
Но и она пескам чужая:
В неволе родилась, жила…
Пустыни, степи… Знать об этом
Она мечтала на полу
Под солнечным горячим светом,
Под батареей ли в углу.
Она всегда стремилась в дали,
Пройти за камни стен на юг!
А мне просторы сниться стали,
Лишь стих ее сердечный стук».

«А у меня на «шкуре» *север*:
Льдов и небес несу лазурь.
Не пробовал ни мед, ни клевер –
Близки мне вихри снежных бурь!
Ах… и мои владенья узки.
Мечты… их не могу забыть.

Я только выточен в Иркутске,
А как хотел бы там… бродить.
Конечно, я совсем домашний –
На глобусе лишь видел nord.
Придумки, а не день вчерашний,
Всё, что я знаю… чем я горд».

«Зачем грустишь? Мы все такие, –
Заговорил в конце Солдат. –
Пусть так, но эти дни лихие
И нам немало бед сулят.
А кто с бедою повстречался,
Тот настоящий и живой!
И кто с дорогой обвенчался,
Тот обретет в конце покой.
Но это – не покой безделья:
Покой, обнявший целый мир
И созерцающий все звенья,
И слышащий звучанье лир…
А нам до этого далёко –
Один поход и жизнь одна.
Нельзя расслабиться до срока,
Нельзя поддаться зову сна!
Мой барабан, как выстрел дзота,
Друзей приводит в бодрый вид.
Да, я игрушечный всего-то,
Но тот солдат, в ком дух горит!»

О том, как друзья пошли на риск, чтобы подарить ребенку счастье

Как ночь ушла, и солнце встало,
У всех закончился рассказ.
И на скамеечку устало
Присела женщина как раз.
А следом, видимо, соседка,
В знак утешенья руку взяв.
Сейчас такое видишь редко –
Проходят мимо, взгляд вертляв…
«Как твой сынишка?» – «Всё болеет.
Сточил последний карандаш…
Ах, как он рисовать умеет!
Но ты бюджет ведь знаешь наш…
Ему б коробку штук на двадцать!
Он козликом бы заскакал.
И снова начал улыбаться,
И день, и ночь бы рисовал.
Но это стоит ведь немало,
А лишь бы что я не хочу.
Дежурств в тот месяц не хватало,
Но в этот больше получу.
А в общем-то всё Слава Богу!
Ведь трудности на то даны,
Чтобы упорно, понемногу
“На них выращивать цветы”».

Соседки встали, продолжая
Обычный этот разговор:
Беда своя, беда чужая…
Потом они вошли во двор.
А наши что? Хоть было рано,
Игрушки побрели без сил:
Им стало жалко мальчугана,
Который рисовать любил.
«Но что мы можем, – рыкнул Мишка, –
Карандаши ведь не растут.
Идти искать их – было б слишком.
И где – на свалке? Или тут?»
Так, вяло шли до светофора.
Как вдруг один грузовичок
Подъехал к светофору скоро,
Мыча как молодой бычок.

«Да он же в супермаркет едет! –
С чего-то Носорог решил. –
Хоть денег взять, конечно, негде,
Но нам бы точно разрешил
Хозяин наш такую штуку…
Не обеднеет база… склад!
Юрист не нам писал науку –
У сказок только “зло” и “лад”!»
И зацепились вмиг за кузов
Игрушки наши, как репей.

И тот «любитель малых грузов»
Повез рискованных друзей.
(Но ты, *зацеперов* поклонник,
Их трюк не ставь себе в зачет!
Герой твой без мозгов – негодник!
Моих же Дух Любви влечёт!)

Друзья чуть держатся, но рады.
За них сожму я кулаки!
Тряслись недолго – вот и склады:
Кругом коробки да тюки.
Но дальше что? Притихли робко –
Не обойти всё за сто дней…
И соскользнула вдруг коробка –
Рассыпалось, что было в ней.
А были в ней наборы красок,
Карандашей по двести штук!
Мелки, пастель… всё, как из сказок,
По волшебству возникло тут!
Карандашей таких не видел
Нигде в былые годы я.
Детей век прошлый не обидел,
Но двести… и мечтать нельзя!
Там менеджер присел со страху,
Все загудели, что шмели.
Но и друзья не дали маху
И «помогли» им как могли:

Схватили по коробке каждый,
Как скарабеи, – и во двор!
Я не люблю нечестных граждан,
Но всё ж другой тут коленкор.
Затем в кусты и дальше, дальше…
Уже и склады позади!
Эх, «несуны» мои без фальши.
Врагов их, Боже, осади.

Назад был путь совсем не близкий:
Идти за метром метр… пешком…
Ведь на коне и небо низко,
А без коня и кочка – холм.
Прошли вдоль линии трамвая,
Через пустырь и через мост…
Шел Носорог, чуть-чуть хромая,
Но больше всех коробку нес.
Там «храм» науки был у речки.
Как только к ВУЗу подошли,
Забилось у друзей сердечко –
Причина пряталась вдали.
Быть может, добрый их хозяин
Ходил сюда давным-давно.
Возможно, – мы всего не знаем,
И им всё ведать не дано.
На них смотрели окна зданий
И будто бы вздыхали вслед.
И будто над дорожкой ранней
Плыл детской песенки куплет

О *каплях* тех, что, без сомнений,
Отвагу подарить могли,
Еще о маленьком *тюлене*,
Которого друзья спасли…
Откуда это, неизвестно.
Приходит в голову одно:
Такое, видно, было место,
И что-то помнило оно.

Когда дошли до поворота,
Невзрачный грязный хвост прижав,
Лохматое мелькнуло что-то
Пугливо, но не убежав.
Потом опять стал виден носик,
Дрожащий под морганье век.
И показался рыжий песик,
Ускорив чуть навстречу бег.
Он был смешон и несуразен:
Болонки сын, но длинноват,
Из-под кудрей чернеет глазик, –
То ли боится, то ли рад…
Не отставая, чуть поодаль
Он за друзьями долго шел.
(Я бы ему одежду отдал,
Но дух под небесами гол.
Мне не забыть его кудряшки,
С надеждой безнадежный взгляд.
Я горе жизни пью из чашки –
От кипятка глаза болят.)

«Как с этим делом разберемся,
Так сразу повернем назад,
Сюда к собаке мы вернемся.
Иль я – не я! – сказал Солдат. –
Не знаю, случай что подкинет…
Нас не оставит Божий Дух.
Иначе этот рыжий сгинет:
Мороз ночной сметет, как пух!»

Друзья в раздумьях, но с надеждой
И с ценным грузом на плечах
Прошли моей дорожкой прежней
И у меня уж на глазах.
Идут моих напротив окон.
Ах, как им хочется помочь…
Но и не крикнуть – я высоко,
Уже и разглядеть невмочь.
И перекресток миновали,
И много улиц и домов…
Скамейка вот, где повстречали
Ту женщину… Не тратя слов,
Сложили все коробки рядом:
Карандаши, пастель, мелки…
«А чтобы поняли как надо,
Ты пожелания черкни», –
Медведь мелок вручил Солдату.
Его тот заострил клинком
И написал, поставив дату:
«Желаем счастья в этот дом!

Желаем в мире жизни длинной
Рисуй и явь! Рисуй и сны!
И будь здоров, расти мужчиной!
(Друзья из сказочной страны.)»
И стали ждать, чтоб за мгновенье
Всю стопку выдвинуть вперед.
У них всё выйдет – нет сомненья.
А вот и женщина идет!
Восторг смешался тут со страхом,
Что это розыгрыш и ложь,
Что радость обратится прахом,
А на ладони будет грош.
Такой подарок – и не снится?!
С молитвой тихой на устах,
Держа так, словно это птица,
Она домой ушла в слезах.

И путешественники рады:
Кому-то их мытарства впрок.
А где ж посланье – где награда?
Добро само – и дар, и долг!
Бывает, мост к спасенью тонкий,
И ты среди его опор…
Друзья вернулись к собачонке,
Хоть и спешат – не к месту спор.

О спасении бедной собачки

Но рыжий чуть привстал при встрече.
Надежды *сдуло* – не собрать.
Уж наступал холодный вечер,
И ветер звал в свою «кровать».
Живая тварь *покою* рада –
В глазах слеза: «Прощай… прости…»
Медведь сказал: «Кого-то надо
Сюда скорее привести!»
И к тротуару побежали…
Как раз мужчина шел с сынком.
Удача, что недолго ждали!
Но как позвать? И что потом?
Метнулся Носорог под ноги
И шар свой скинул со спины –
Шар покатился по дороге.
(Так вот зачем Дары нужны!)
За ним пошел мужчина с сыном,
А он к собачке завернул…
Его был путь не очень длинным –
Потом подпрыгнул и нырнул.
У ног лежал наш пес замерзший.
От страха только чуть рычал.
Погладил сын: «Ты мой хороший…»
Стоял мужчина и молчал.
И слезы капали на лапку,
И боль была в земле самой.

Отец на руки взял собаку
И прошептал: «Пойдем домой».

И сразу же теплее стало:
Молитва к Богу поднялась.
Судьба страницы пролистала,
И смерть, что подошла, сдалась.
Они ушли в объятьях счастья,
Их окружила Благодать!
Закон спасения – участье.
С любовью злу не совладать!
Друзья присели тут же молча –
Тяжелый груз с души упал.
Уж выплывали звезды ночи,
И теплый сон на них напал.
Друзья устали, безусловно,
И, как в кроватке, на заре
В мерцанье звезд, младенцы словно,
Заснули тут же – на земле.

Об атаке зла железными зубами, огнем и водой, которая завершила первое путешествие друзей

Они проснулись от рычанья:
Огромный трактор землю рыл –
Машины страшное звучанье,
Как тысячи кабаньих рыл!

Зловещей сыростью пахнуло –
Друзей засыпали комки.
Не слышно ничего от гула.
Подняли их ковша клыки.
И бросила слепая сила,
И понесла невесть куда!
Земля собой весь свет закрыла,
Сковала весом без труда.

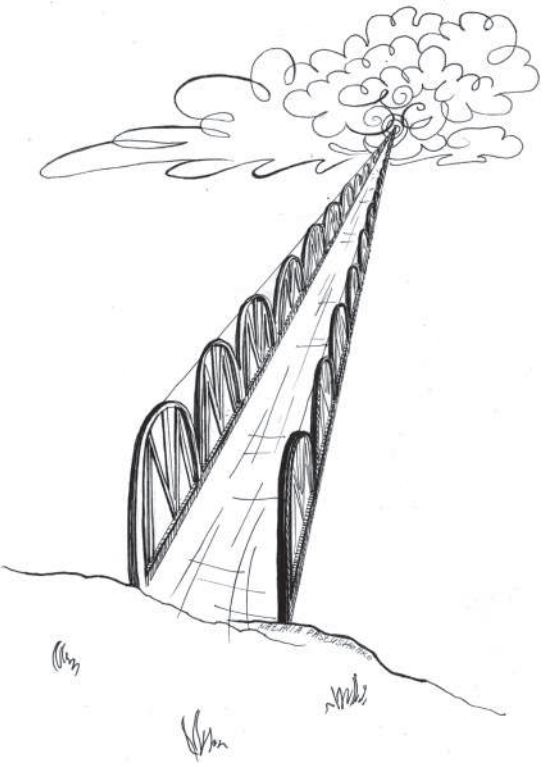
Могли ли что сказать? Едва ли –
Песком осыпался бы стон.
Для погребенных в самосвале
Остановился ход времен.
Куда их? В яму? Иль иное
Сегодня ожидать могло?
Возможно, действо колдовское
Свое внушение дало.
Неслась машина через город!
Ее услышал за версту –
Под сердцем отдавался грохот.
Она направилась к мосту!
Когда осталось уж немного,
И позади была гора,
Когда уже виднелась Волга,
В проводке прыгнула искра!

Большая скорость у атаки
Огня, идущего «на вы» –

Машина вспыхнула как факел,
И пламя разрывало швы!
Огонь пронизывал и кузов,
Вгрызался в камни и металл…
Меж ним и светом ложны узы:
У смерти он начало взял.
Он – постоянное движенье!
И языками лижет ткань…
А путь его уничтоженье.
Уже огня нависла *длань*
Над нашей сказкой, нашей лирой,
Всегда готовая терзать!
Ты помоги нам, Яснокрылый,
Мечты из пламени изъять!
Друзей моих, прошу, от лиха,
От слез невидимых спаси,
От неуслышанного крика…
У зла встань, Ангел, на пути!

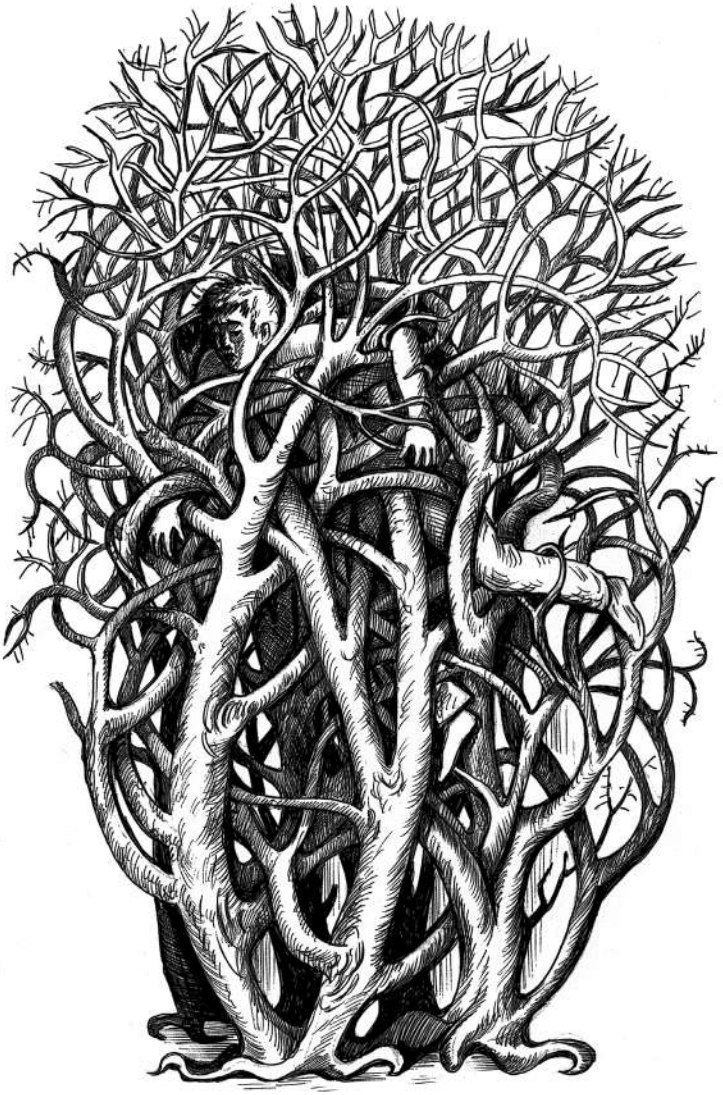
И самосвал на мост ворвался,
На скорости отбойник сбив!
Водитель править не пытался –
Он спрыгнул и остался жив.
Тотчас же сбита и ограда –
Теперь обочина пуста.
И небольшой частицей ада
Машина рухнула с моста!

И вот сомкнулись волны Волги –
Она на дне, а гладь над ней.
Где ж наши рыцари дороги?
Вы отзовитесь поскорей!



И понесло их над домами /
На рваном сумрачном крыле…

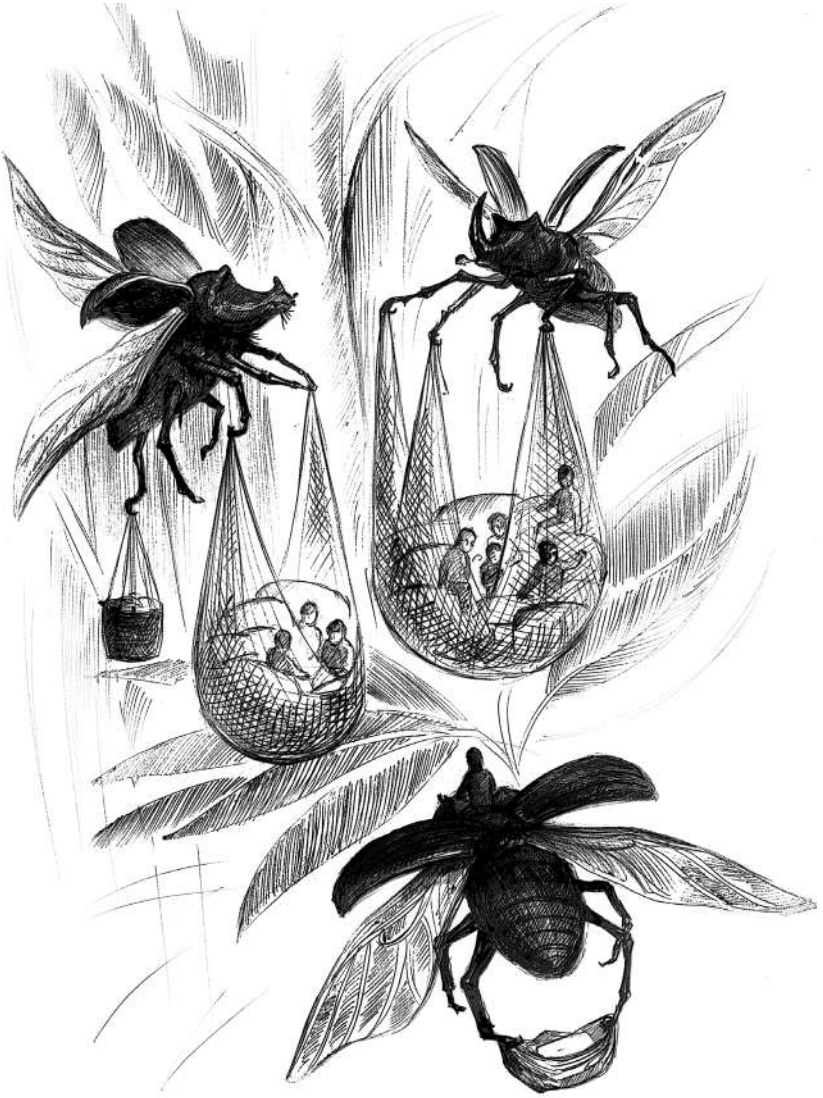
Мужчина землю рыл ногтями, /
Но вновь и вновь срывался вниз…



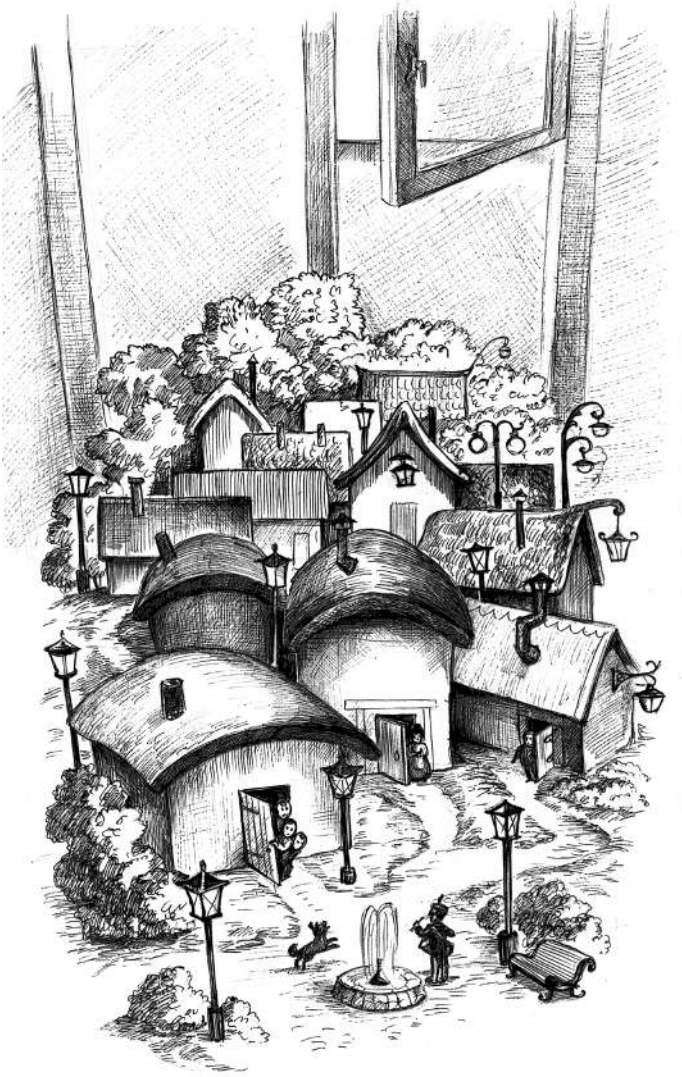
Действительно, кого-то ветки /
Обвили, будто бы удав.

А тень, нырнувшая из бездны, /
Попала в это волшебство…

Деревья там повыше гор! /
А люди жили будто в щели…



Жуки несли людей, поклажи… /
Под небом их ждала листва!



Вдруг оказались у домов, /
Накрытых толем иль кирзою,

Просторы… дивные просторы! /
И будто музыка поёт…

Игрушки же опять с ученым – /
Сидят как прежде у окна… /
Читают днем его работы…

Глава третья, в которой говорится о путешествиях в волшебном мире.

Событий роковых стеченье
От «погребения» до дна.
Но всех друзей влекло теченье,
И за волною шла волна.

Как будто бы большие руки
Их пронесли через моря…
(Волшебной мне не знать науки –
Сдает фантазия моя.)
Но вот они уже на суше
Иной загадочной земли:
Минут обычных ход нарушив,
Их в *Иноземье* занесли.
Зачем и кто? Пока не знаем.
Для радости или для бед?
Но книжку дальше полистаем
И, может быть, найдем ответ.

О человеке, попавшем в яму гордости

Когда друзья передохнули,
Прошли лужайку вдоль ручья.
Не очень сильно ветры дули,
Но так, что гасла бы свеча.
В округе было одиноко,
Докуда видно – ни души…

Журчанье лишь воды потока,
Как будто бы: «Скажи, скажи…»
И отзывалось: «Слишком рано…» –
Должно быть, ветви на ветру.
Но не казалось это, странно, –
Здесь так бывает поутру.
А дальше ветер пел ли, плакал?..
Иль разговаривал с листвой?..
И что-то становилось жалко –
Хотелось выкрикнуть: «Постой!..»
Но звуки ветром удалялись.
Последнее: «Прости, прости…»
И ветки только наклонялись,
Поскольку не могли уйти.

У Мишки рана заломила, –
Забыли мы о ней давно, –
Наверное, нога застыла,
Вот и болит – не мудрено.
Присели под ветвистой кроной,
А то Медведь совсем уж сник
(Хоть вид поддерживал суровый),
Как услыхали чей-то крик.
Медведь уж и забыл про ногу.
Собрали волю все в кулак,
Вскочив и пробежав немного,
Они наткнулись на овраг.
Его края почти отвесны,
А скользки, будто под дождем,
И было хоть довольно тесно,
Метался с криком кто-то в нем.

Мужчина землю рыл ногтями,
Но вновь и вновь срывался вниз,
Сгребал комки с травой локтями,
И от досады корни грыз.
На дне порою падал в лужи.
Но от стараний и труда
Он только опускался глубже.
Ему не выбраться сюда!

Когда увидел он малюток,
Сел на коленки и затих.
«Я тут довольно много суток… –
Сказал он, озирая их. –
Упрямый был я, горделивый,
С людьми безжалостен и груб…
И вот однажды в день дождливый
Я как-то оказался тут.
Ведь этот край в стране волшебной
Завоевали силы зла,
И не найти травы целебной,
Чтоб излечить она смогла.
Откуда принесло напасти,
Уже не помнит местный люд,
Но будет каждый в черной власти,
Кого они к себе возьмут.
Прошу вас, так не уходите!
Наверно, Бог послал мне вас.
Я умаляю, помогите!» –
Просил он помощь в первый раз.

Тогда герои наши тут же
Нашли покрепче стебельки,

Связавши их как можно туже,
Спустили в яму узелки.
Несчастный выбрался, цепляясь
За помощи бесценной нить,
И, непривычно улыбаясь,
Шепнул: «Теперь могу я жить…
Но я сейчас отправлюсь с вами,
Других плененных тут спасать».
И радость брызнула слезами –
Теперь бессильна вражья рать!

О человеке, плененном стеной собственных научных идей

А дальше были камни всюду –
Тропинку хоть бы разыскать.
Пройти тут трудно и верблюду,
Лишь стоя можно не устать.
И с очень гладкими боками,
И будто бы дракона клык,
Тех воды гладили веками,
Иных размножил взрыва миг.
Тут были желтые, как глина,
И были бурые, как кровь…
Дорога даже пусть не длинна,
Ты всё же к шишкам лоб готовь!
Вблизи приходят мысли сразу,
Что ими выложен узор,
Но если всё окинуть разом,
Понятно станет: это вздор.

Камнями выстлана поляна,
И ничему здесь не расти.
Земля раздавлена и рвана.
Скорей бы дальше нам пройти.

«Смотрите! – Носорог заметил, –
Стена огромная стоит.
Там наверху гуляет ветер!
И человек! Ужасный вид!»
Как только он туда забрался?
Под ним, наверно, метров сто!
Он больше слезть и не пытался.
Друзья окликнули: «Ты кто?»
«Ученый я, еще философ –
И надо поискать смелей!
Решил я множество вопросов,
Создал я множество идей!
Построил тут я эту стену:
Идея – камень для нее.
Я не творил в науке пену
И не дублировал старье!
Я клал всё выше пункт за пунктом,
На антитезу – тезу, чтоб
Осталось детям, даже внукам!
И чтобы зря не лечь мне в гроб.
За положеньем положенье
Сбивались крепко в монолит,
И устремлялось вверх движенье!
В раствор ее мой разум влит.
Я сам себя поднял на “крышу”!
Моя стена – и есть мой приз!..

Но я отсюда плохо вижу
И не могу спуститься вниз.
А если честно, я несчастен –
Себе уж надоело врать –
Я ничему не сопричастен,
И стену мне не разобрать.
Мне не пройти отсюда дальше.
Выходит, Истины не знать.
Всегда я был противник фальши,
Но и отвергнул Благодать».

Друзья ответили: «Поможем!
Ведь ты сказал: “Идти хочу!”
А мы твои желанья множим,
И значит, всё нам по плечу!»
Но всё же это было сложно:
На сантиметр, дюйм ли, пядь
Из основанья осторожно
За камнем камень убирать.
Как удавалось взять пониже
И удалить тот камень вон,
Всё становилось много ближе,
Ведь был у основанья он.
Малюткам помогал попутчик,
А без него не одолеть
Ту стену, что дошла до тучи.
И вот ее уж нет на треть!
Потом был в силах сам философ
Снимать каменья наверху.

Теперь ему давалось просто –
Как за строкой убрать строку.
Он наконец-то смог спуститься,
Но стенка рухнула не вся:
Чего-то ведь он смог добиться,
К чему вела идей стезя.
Вздохнув свободно полной грудью,
Ведь горизонт был на виду,
Сказал он с чуть заметной грустью:
«Я тоже с вами вдаль пойду».

О людях, схваченных деревьями тягостных сомнений и неверия

И шли они довольно долго,
Как встал пред ними странный лес.
Всё объяснять – не будет толка,
А кратко: *неустойчив вес*.
Стволы дерев к земле сужались:
Внизу – как жердь, вверху – как столб,
И кроны мощные качались,
Как акробат, не рухнуть чтоб.
И не напрасны опасенья:
Вокруг их много полегло –
Они лежали, словно тени,
Сломавши ветки, как крыло.
Кого-то, может, придавили,
И он под ними погребен.
Тут ветры над ветвями выли
И брали мужество в полон.

«Послушайте… Да это стоны, –
Сказала Черепашка вдруг. –
Смотрите, сквозь заслоны кроны
Проглядывают кисти рук!»
Действительно, кого-то ветки
Обвили, будто бы удав.
Движенья «жертвы» были редки –
Обмякло тело всё, устав.
Когда зажатый древом понял,
Что мы заметили его,
Он голову немного поднял
И прошептал: «Всё от того…»

«Всё от того, что сомневаюсь,
Не верю в радостный итог.
И вот… ветвями обвиваюсь.
Мои сомненья – их росток.
Ведь тут растут леса сомнений.
Ветвистых крон не побороть.
Бесплодно время наших бдений.
Душа съедаема, как плоть.
Сомненья наши нас пытали –
Корявый плод внушений злых –
Здесь многие под ними пали.
Бегите, чтобы быть в живых!»

Солдат сказал: «Уйти успеем.
Ты не спеша послушай нас.
Хоть красноречья не имеем,
Ты всё же выслушай рассказ».

Я пересказывать не стану –
Вы это всё прочли уже.
То было как бальзам на рану –
Полегче стало на душе.
Еще держали ветви прочно,
Но получили здесь отпор.
Они ослабли – это точно.
Героев с ними краток спор!
Ведь говорили о победе
Малютки, меньше башмака.
И всё в другом предстало свете,
И крепла пленника рука.
Он сам, поверив во спасенье,
Кривые ветки разжимал.
И падали сучки сомненья.
И на свои он ноги встал!

«Но подождите, недалёко
Я слышал стоны и мольбы:
Сомнений тягостных порока
Томятся бедные рабы».
Друзья прошли по этой чаще –
Не зря спасенный говорил, –
Нашли двух женщин, чуть дышащих,
И юношу – он весь застыл.
Теперь справляться было проще
И разжимать ветвей щипцы:
Дерев похожих много в роще –
Как будто братья-близнецы.

Одна победа – это выстрел
По ста ветвящимся червям.
И падали сомненья быстро
К засохшим на камнях корням!
Потом спасенные с друзьями
Покинули коварный лес,
Где люди сдавлены ветвями,
Где неуверенности пресс.

О людях, захваченных песками сует

Дорога сделалась песчаной,
И при ходьбе песок хрустел.
А в памяти моей печальной
Негромко мальчуган запел…
Я вспомнил, как в далеком детстве
Ходили мы с отцом на пляж.
И был тогда я в странном действе,
Что приоткрыл мне мира Страж:
Вдруг небо становилось выше,
И отдалялась гладь реки,
Я в этот мир из дома вышел…
Как горизонты далеки!
И в небе мерно разливался,
Как в океане, низкий гул –
Не знал я, как он назывался,
Но будто часть его вдохнул.
И был песок кругом и всюду,
Как времени весомый знак.

Я эту пору не забуду…
Но здесь мы отвлеклись. Итак.

Герои шли вперед отважно,
Да вот песок совсем просох,
И было им идти неважно:
Всё больше утопал носок.
Здесь из песка вставали горы
И величавые хребты.
Но становились очень скоро
Пространства здешние пусты:
Сдувались ветром великаны,
Как будто не были вовек.
Следы их зыбкие песчаны,
И не заметен тихий бег.
Идти же было всё сложнее –
Стопа тонула на вершок.
Казалось, что уже на шее
Того песка висел мешок.

Песчаное пустое море,
И замерла на глади рябь.
Похоже, всё застынет вскоре,
И всё всосёт земная хлябь.
Еще, почти что как в пустыне,
Вставали часто «миражи» –
Не вышло в явь ничто доныне:
Ни мёд, ни хлебные коржи.
Всё порождал песок сыпучий,
И уходило всё в песок.

Бывало, подходила туча,
Когда песчаной бури срок.
Пласты песка сдувало бурей.
Но сыпался песок опять,
Такой же тяжкий, пыльный, бурый –
Не изменить и не унять.

«Кого-то вижу – посмотрите! –
Сказал Медведь, – стоит в песках.
Да это женщина! И нити
И на ногах, и на руках,
Как будто бы незримо держат,
Не позволяя сделать шаг.
Еще немного, и одержит
Победу неизвестный враг!
Как к ней пройти? Найти бы тропку…»
Пошли тихонько напрямик.
Но становилось очень топко –
Поверхность углублялась вмиг.
«Да тут страна песков сыпучих!
Что наподобие болот.
Трясина их сожрет, могучих
И смелых! Это же *проглот*!» –
Один из спутников поведал
Об этих гибельных местах.
И в подтвержденье «пообедал»
Песок ботинком – на глазах!
«Пройти туда совсем не просто.
Как эта женщина стоит?» –

«Наверно, там возникнул остров…» –
«А вот она нам говорит!»

«Здесь суетой песок творится:
Пустые дни ему в зачет.
Бывает, жизнь и долго длится,
Но между пальцев всё течет.
Свои потратила я годы
И на детей, и на семью.
Но почему-то Неба своды
Отвергли жертвенность мою.
Хотела, было чтоб не хуже,
Чем у знакомых и родни.
Порой не замечала мужа…
Но ведь мы были не одни.
Престижную нашла работу,
Пусть своевольно, для детей.
Но кто проявит к ним заботу?!
А для возвышенных идей
Уж не было ни сил, ни воли.
И протекала жизнь моя…
“А как в моей иначе доле?!
Да не двужильная же я!” –
Так говорила я когда-то.
Теперь иное поняла.
Но не вернуть обратно даты.
Меня пустыня обняла.
Сыпучий ворог окружает –
Всё меньше твердый островок.

И сколько мне… – никто не знает.
Пустыня – неизбывный рок».

Все стали думать, что же делать,
Что ставить против суеты.
Песок тут всё готов отведать
И всех, кто с суетой «на ты».
Мельчить нельзя, иначе – гибель:
Носком не встать – уйдешь по грудь.
Необходимы только глыбы,
Несущие живого суть –
Всего себя поставить против
Сыпучего песка сует!
Лечь на него при полном росте –
Таков и должен быть ответ!
И все легли, как строчки песни,
Взирая в направленье Ost.
То было не под силу бездне.
Построился дышащий мост!
У женщины душа воспряла,
Когда спаслась из западни.
Уже заря вставала ала,
И новые спешили дни.

Но всем пришлось остановиться:
Идти бездумно не могли,
Ведь встала на пути граница
Иной неведомой земли.
Решили спутники остаться
Спасать познавших злобы чад.

«А мы пойдем, ведь, может статься,
Нужны и там», – сказал солдат.

О стране, находящейся возле пропасти и об увлеченном волшебнике

Лес находился в отдаленье,
Лишь одинокие росли
Деревья здесь, и их коренья
Кругом торчали из земли.
Привыкнуть ко всему несложно:
У многого обычный вид,
Но почему-то здесь тревожно.
На небе пасмурно. Сквозит.
Неподалеку холм высокий,
Идут дороги с двух сторон.
Растет как будто бы осока
Да клевер, где тенистый склон.
«Деревья… мне неясно что-то? –
Солдат заметил на ходу. –
Одно всё, будто осень, жёлто,
Другое, как весной, в цвету…»

И тут, похоже, что ребенок
Заплакал жалобно в яслях –
То был несчастный олененок,
Лежащий прямо на камнях.
Была с ним рядом черепашка –
От нашей трудно отличить

По росту. Этой было тяжко:
Пыталась друга оттащить.

Медведь спросил: «Что тут случилось?
Наверно, можем мы помочь!» –
«У друга ножка подкосилась –
Не убежать отсюда прочь». –
«Кого боитесь? Так напрасно –
Мы вас сумеем защитить!» –
«Вы – иноземцы, это ясно,
Коль не хотели пошутить.
Лохматых, мягких и безрогих
Выбрасывают в бездны пасть,
А уж увечным и убогим
Еще быстрее тут пропасть.
Повсюду ходят великаны
И собирают бездне дань.
Они теперь как истуканы.
Попробуй, олененок, встань!
А раньше поступали мудро
И помогали всем подряд.
Но жизнь переменилась круто,
Когда колдун сменил наряд…»

«Колдун? Кто он такой? Ответьте!
И что же тут произошло?!» –
«В наш добрым мир ворвался *ветер*,
И всюду расселилось зло.

У нас прекрасный жил волшебник.
Гордился им и стар и млад.
На всё имел он свой “решебник”,
И всё он выправлял на лад.
А главное, мечты умел он
В действительность переносить:
Ботинки нарисуй, хоть мелом…
И можешь их уже носить!
Не знали ни хлопот, ни горя,
Но всё же не забыли труд:
От тех чудес была лишь доля
Того, что создавалось тут.

Но город наш граничит с бездной.
Об этом страшно говорить.
Что там творится, неизвестно –
Мы к ней боимся подходить.
По слухам, из нее взлетают
Чудовища любых мастей,
Но сразу в воздухе все тают,
Не оставляя и “костей”.

Так вот однажды наш чудесник
Сидел у бездны на краю,
Читал газету нашу “Вестник”
И правил магию свою.
А тень, нырнувшая из бездны,
Попала в это волшебство…

Как это стало ей *полезно* –
Волшебник дал ей естество!
И силу *быть*, и время выжить
Вдруг получила нечисть та,
И чтоб как можно больше выжать,
Вошла в сознанье мудреца!
Теперь сидит он там, на крае,
И оживляет всплеск теней.
А этим весь наш мир карает –
Уж не было погожих дней:

Ожившие во тьме уродцы
Вошли во многие умы –
Как будто брошен яд в колодцы.
Всё – территория тюрьмы!
У них и великаны служат,
И звери бездну стерегут…
Колдун же ворожбою кружит –
Талантом полнит зла сосуд.

Часы-гора спешат, как вьюга –
За ними больше не успеть,
Не выйти из дурного круга,
И жизни впору онеметь.
Не успевая за часами,
Остановился жизни ход –
Цветы становятся камнями,
На древах замер целый год.
Где осень, где весна застыли,
Где ветви голые торчат.

Что было, мы уже забыли,
А бездна умножает чад!»

«Нам говорили про дорожки
Вокруг холма…» – спросил Солдат.
«Да, это было как окошко…
Теперь – иначе, говорят.
А раньше: коль пойдешь ты справа,
Узнаешь, что лежит внутри –
Какие цели тайно правят
Тобой. И там уж сам смотри.
Пойдешь ты слева – станет ясно,
Куда сегодня мир спешит,
Где будет трудно и опасно,
Где следует подставить щит.
Нет, это не сродни гаданью –
Холм наше зренье расширял –
Обогащалось наше знанье…
Теперь колдун и то забрал:
Пройдешь ты справа – и заглушишь
И совесть с сердцем, и мечты.
Пойдешь ты слева – и закружишь,
Забыв реальности черты.

Еще у нас была пещера,
Откуда музыка лилась, –
Такого не найти примера –
“Покоем ран” она звалась.
С обидой, с горем тут садились
Под самоцветный дивный свод

И этой музыкой лечились…
Теперь пещера души рвет!

Быстрее к дереву *с весною* –
Наш деревянный носорог
Идет сюда! Чтоб с головою
Не разлучил нас страшный рог!»
Невдалеке прошла громада –
Не носорог, а три бревна.
«Теперь его страшиться надо –
И в этом колдуна вина!»

«Так вот откуда прилетают
Исчадья зла! Здесь их приют!
Вот колыбель, где их питают.
Одна, по крайней мере, тут!
А где сидит он, ваш волшебник?» –
«Под древом осени сейчас –
Кусты из кварца, луг, вишенник
Пройдете, там и он как раз.
Но охраняет неусыпно
Его зубастое зверье!» –
«Уйти и не помочь – обидно! –
Медведь сказал. – Зверьё – моё!»
Они присели напоследок
Под древо в розовых цветах –
Спокойно от прекрасных веток, –
А встав, сказали: «Будет так!»

Им помогать решился пёсик,
Что тут хозяев потерял.

Бродил он долго между просек…
«Аяврик», – так себя назвал.

Из птиц была охрана снята,
Но встала новая за ней!
Наш Носорог свалил собрата,
Что был как будто из камней.
Медведь ударил бегемота –
Тот рухнул, выйдя из «игры».
Аяврик зазевался что-то,
И прыгнул желтый лев с горы!
Потом его Медведь зацапал,
Но пёс над пропастью висел –
За кочку зацепилась лапа…
Солдат спасти его успел!
И сразу к колдуну – ремнями
Связал его и повалил!
Парили тени над камнями,
Но им недоставало сил.

Тут Носорог подставил спину –
Медведь волшебника взвалил,
И потащили на вершину –
Узнает пусть, что натворил!
Увидев страха панораму,
Колдун лишился сил и сник…
Но то не завершило драму:
В нем снова образ зла возник.
«Давайте всё расскажем с вами!
И ужасы его проймут!» –

«Нет, души мыслят не словами –
В них только образы живут!»

«Тут нужно чудо, а не проза, –
Сказала Черепашка вдруг. –
Смотрите, на пригорке роза!
Сорви ее, лохматый друг!»
Она не сделала и шага,
Как пёсик розу ту принес.
И под потоки действа мага
Внесли ее… Маг как прирос!
Ведь роза обратилась в деву
Необычайной красоты,
Что помешало злому делу –
В душе волшебника… цветы!
В его сознанье встали рядом
То, что творил, и этот *Свет*.
Аж пот холодный брызнул градом –
Маг сам себе давал ответ!
Уродцев тени не вмещались
В душе прозревшей, уж иной,
И постепенно уменьшались…
Но маг был бледен как больной.

«Есть дерево – его плодами
Вам мага следует лечить.
Оно за синими прудами.
Поможет сок отраву смыть», –
Сказали местные и древо
Быстрее помогли найти.

Еще клубилась тьма от гнева,
Пыталась сквозь глаза войти.
Но скоро стал волшебник крепок
И руки супротив поднял…
Остался от уродов слепок
На скалах! (Я его «заснял».)

И постепенно, шаг за шагом
Всё встало на круги своя:
Волшебник, умножая благо,
И день, и ночь сидел творя.
Осталась дева с ним женою.
Два великана, носорог
Со всею братией лесною
На свадьбу выпекли пирог!
Те кушанья всем-всем достались.
Кричали «горько!», пили мёд…
Друзей просили, чтоб остались,
Они же: «Нас хозяин ждёт!»
А к пропасти теперь заказан
Путь каждому – стоит стена.
Ведь этот край уж был наказан,
И не забудется война.

О том, как спасли народ, переселив его на листья огромных деревьев

Их дальше встретило ущелье –
Деревья там повыше гор!
А люди жили будто в щели –
Сырой и темный каждый двор.
Но листья до того огромны
Достигших облака ветвей, –
Не здания – аэродромы
Вместились бы, и сто церквей!
А солнце – как лучей фонтаны,
А сок – живые родники!
Как были б счастливы тут страны!
Но люди там, где пауки…
Там, где болезни процветают,
Где пахнет сгнившею корой.
Народ слабеет, люди тают
Внизу под черною горой.

Помочь бы как-то тем несчастным –
Они едва ходить могли.
Они смотрели безучастно,
И в яму годы их текли.
Герои наши дознавались,
Как вышло так, что все внизу,
Когда в лучах бы там купались,
Душою пили бы красу!

«Считали мы, что так надежней
И больше силы сбережём,
И замысел пустопорожний
Забраться вверх. Здесь разожжем
Себе костры и быт устроим!
Темно и сыро – не беда:
Домов хороших понастроим…
Не страшны зной и холода!
Зачем всегда быть в напряженье –
Спускаться, подниматься вновь?
Внизу остаться – вот решенье!
Но было то не в глаз, а в бровь.
Болеть мы стали очень часто,
Слабели все не по годам
И понимали, что напрасно
Остались – лучше было б там!
Но лезть уж стало не под силу –
Смирились мы с судьбой своей
И стали все копать могилу.
Нам не дождаться лучших дней…»

Тут рядом с нами пробежала
Больная женщина одна.
Она дитя в руках держала,
Кричала: «Не его вина!»
Стеная, подняла ребенка
Как можно выше – к облакам.
Сказала что-то, уж негромко,
Вблизи вспорхнувшим мотылькам.

Потом упала без движенья,
Дитя не выпустив из рук.
Над ними было лишь круженье
Тех мотыльков, их крыльев звук.

«Сошла с ума, – сказал прохожий. –
Мы же решили не роптать!
Как хорошо: прибрал их, Боже…
Нельзя о сказочном мечтать!» –
«Нет, нет! Жива, и жив сынишка! –
Солдат от радости плясал. –
Двоих в секунду… – было б слишком!» –
«А жаль…» – прохожий тот сказал.

Друзья задумались серьезно,
Несчастных этих как спасти!
Поднять их вверх, пока не поздно?
Но как туда перенести?
«Поможет блочная система, –
Сказал Солдат. – Я смастерю!» –
«И год работать будет схема –
Придем к другому ноябрю». –
«Да, прав Медведь – я не подумал…
Другое надо предпринять.
Как жаль, не голубь я, не турман,
И самолет нам не нанять».

«Что, – встряла Муська, – “самолеты”!
Отсюда тысяч в пять шагов,

Когда мы обходили гроты,
Я видела больших жуков!
Они огромные, из бронзы,
И силища – не занимать!
Им рассказать бы наши слёзы
И на часок сюда позвать!»
И Носорог с Медведем тут же
Жуков отправились искать.
Они прошли в долину глубже
И стали кто как мог свистать.
Не истекло и трех минуток,
Как бледно-желтые жуки –
Чей внешний вид довольно жуток –
Спустили к ним свои клыки.
Дышали шумно и утробно…
Друзья же, робость поборов,
Всё рассказали им подробно,
Но не было ответных слов.
Жуки совсем не говорили,
Но были умны и добры.
Они всей кучей сразу взмыли –
В секунды были у горы!
Когда друзья пришли туда же,
Трудились эти существа –
Жуки несли людей, поклажи…
Под небом их ждала листва!

Порой кричали: «Погодите!» –
Иной был злобен и упрям!

Им отвечали: «Захотите –
Обратно спуститесь к корням».
Никто, однако, не спустился.
А здоровели на глазах!
Огромный город разместился
На удивительных листах.
Живет без горестей спасенный
Благодаря большим жукам
Народ, на крыльях вознесенный
Поближе к солнцу, к облакам!

Нет, нет, я не люблю насилье!
За самобытность, свод свобод…
Но часто нужно нам усилье,
Иначе слабость не пройдет.
Болезнь порою подчиняет:
Упущен час, и злись не злись,
А душу под себя меняет.
Без силы тут не обойтись!
Леченье требует и боли,
Болезнь ведь тоже боль дает.
Но шаг конечный – в нашей воли,
Его никто не заберет!

Внизу лишь ящерка осталась –
Родное ей ущелья дно.
Она счастливо обреталась
Среди камней уже давно.

Друзей перенесла повыше
Жуков подруга – стрекоза.
Ее крыло достало б крыши,
С окно огромные глаза!

О том, как народ, живущий возле огромного Окна, перестал бояться окружающего его мира

Простившись с чудо-стрекозою,
Вдруг оказались у домов,
Накрытых толем иль кирзою,
Как коробом почти без швов.
Подумали, они пустые,
Прислушались – сопят, храпят…
Какие люди здесь чудные:
Свет за окном – они все спят!
Друзья ходили там до ночи,
Хотели на ночлег уж встать…
Но к ночи жизнь тут стала громче,
Дома все стали раскрывать…
Повыходили на крылечки,
Зажгли повсюду фонари!
Костры и лампы, печки, свечки…
Светло, хоть мелкий шрифт смотри!
И забурлила жизнь повсюду –
Страна, как днем, освещена!
И нет конца ночному гуду!
К утру же снова тишина.

Всё это было как на поле
Перед огромнейшим окном –
За ним и даль, и всё другое,
Но я не расскажу о том.
Не углубляясь в «заоконье»,
Посмотрим, как живется тут –
Быть может, кто-то беззаконье
Творит, тираня здешний люд.

Солдат остановил карету,
Чтоб расспросить про странный быт.
«Боимся мы поддаться “свету” –
Кто знает, что он сотворит?!
У нас ведь чудеса творятся:
Полсуток всё светлым-светло.
Ну как того нам не бояться,
Ведь этот свет, возможно, – зло?!
И разве можно подчиняться
Чему-то данному извне?!
В чем света цель? А может статься,
Что смерть в небесном том огне!
По-своему тогда решили
Устроить всё – как мы хотим!
От света коробы нашили –
Непроницаемые им!
А как уходит свет злосчастный,
Мы тут же зажигаем свой!
Ведь он уж точно неопасный!
Забыл сказать, ведь слышен вой,

Когда тот внешний свет гуляет,
Мы слышим сильный низкий шум.
Откуда он, никто не знает!
Уж мудрецы сломали ум!
Как ни крути, должны укрыться
От всех навязанных чудес.
Ведь крепость дом! Как говорится.
С усами сами! (Пусть и без.)
Лицо он бритое погладил.
Друзья ушли – дорога ждет!
Но стон услышали вдруг сзади –
Из всех домов стонал народ!

Беду предвидеть было можно:
Запас ресурсов их иссяк –
Они их тратили безбожно,
И ночью воцарился мрак!
Застыли шахты и заводы,
И дети в школы не пошли,
Не приняли в больнице роды –
Угля в достатке не нашли!
А утром будет «ночь» другая –
От страха ложного за жизнь.
Так мраку не видать и края.
Всё кончено, хоть в гроб ложись!

«Их надо выманить наружу,
Как рассветет – погибнут ведь.
Тут наш пример, наверно, нужен», –
Задумавшись, сказал Медведь.

Все согласились без сомненья
И воплотили утром план:
Когда рассвет вошел в селенье,
Солдат ударил в барабан,
Аяврик лаять стал надрывно,
Пустились остальные в смех!
Пусть кто-то скажет, что наивно,
Но план всё ж возымел успех!

Из всех щелей смотрели люди
На тех, кто на свету шумел, –
Никто не губит их, не судит…
А Белый Свет и вправду бел!
И стали выходить наружу –
Тихонечко, по одному.
И скоро шум уж стал не нужен:
Все здесь, нет никого в дому!
В глазах растерянность и радость,
Досада за былые дни…
Игрушки совершили малость –
Всё победят теперь они!

Заполнят топливные склады,
Изменят… Сладят… Поднажмут!
И свету утром будут рады,
Источники его поймут!
Они смелее станут, зорче.
О мире будут знать ином,
Постигнут смену дня и ночи,
И звука (за большим Окном)!

Возможно даже, нас обгонят,
Найдя дорогу за Стеной.
Поймут закон, что здесь не понят.
И установят связь со мной!

Теперь игрушки без тревоги
Пошли под сенью облаков…
«А что там дальше по дороге?» –
Спросили прежде стариков.
«Там дальше странный дивный город,
Зовется – Город всех Дорог.
Хоть и любой из нас немолод,
Попасть туда никто не смог:
Не то чтоб далеко иль трудно,
А что-то оторопь берет…
Но слышали, в том Граде чудно,
И даже ближе Неба Свод!»

Друзей же наших точно ветер
Толкал вперед большой волной,
И шли они как будто дети
На голос теплый и родной.

Об удивительных предваряющих Город Дорог пространствах

И вот дошло повествованье
О четверых друзьях *Сюда*!..

Не всё вошло в моё сознанье,
Скажу, как понял, – не беда.

Просторы… дивные просторы!
И будто музыка поёт…
Всё можно уловить нескоро,
Но сразу чувствуешь полет!
Вверху порою проплывает,
Как части неба ореол,
И на минуту застывает
Проникнутый очами *Вол*.
И облака, объединяясь
Пока минута не прошла,
Летят, лучами освещаясь,
И обретают вид *Орла*.
Светило вспыхнет, развернется
И обернется дивным *Львом*.
А горизонт зарей займется
И станет *Ангела* крылом!

Всё возвращается, однако,
К обычным для меня чертам.
Не всё я понял в тайне знака –
Возможно, станет ясно вам.
Наверное, так говорится:
Что всё живое, всем живет!
Кто в сущность сможет углубиться,
Самопознание пожнёт.
Еще об узах наших кровных,
О долге пред лицом родства,

О том, что здесь – в мирах бездонных –
Всё под защитой Божества!

Друзья же наши продвигались
В просторах лучезарных сфер,
И горизонты раздвигались,
Нигде не ставился барьер.
Когда они вошли без страха
На светло-бурое плато,
Несла их дальше *Черепаха* –
Таких не видывал никто.
Была кочкаста и горбата,
Огромная – почти как холм,
Шла будто бы тяжеловато,
А ветер отставал, и гром!

Но на плато и гром, и ветер
Гостили редко. Здесь покой
Всей красотой героев встретил.
И миф лился строкой-рекой.
Они вошли в ее долину,
Там поджидал их *Носорог*.
Он посадил их всех на спину,
Где был у той реки исток.
А рог его терялся в тучах
И омывался влагой их,
Бока – как каменные кручи,
Но сам, как летом горы, тих.

Он их донес до поля снега,
Что был не холоден, но бел.

А дальше – до морского брега –
Их взял *Медведь*… Я б оробел:
Лохматый, как леса Сибири,
Порой рычащий как вулкан,
А лапы горы бы разбили,
Подобно тысячи векам!

Потом они под парусами
Ушли на дивном корабле –
Притом не понимая сами:
Они на небе, на волне?!
Не ветры нагружали шкоты –
Дул в паруса Восхода свет.
И воды, и небес высоты
Стремились также – на Рассвет!
В прозрачной глади было видно
До солнцем залитого дна…
Мне стало капельку обидно:
Смотрю я будто бы из сна.

О том, какой он, ГОРОД ДОРОГ

Огромный Город простирался
На континент, на весь восток,
Великим морем омывался,
На Небе был его исток!
Там на горе Орел могучий
Над Градом крылья расправлял,

А Голос добрый и певучий
Тем Градом верно управлял.
Отсюда начинались вехи
Еще не пройденных дорог,
И оставляли здесь навеки
Свой след, кто путь осилить смог!

И у меня возникли мысли,
Что тут совсем не сказок пир.
Тут даже глубже неба выси –
Уходит Город в Горний мир.
Игрушки шли с волненьем, с дрожью,
Но чуден был и миг, и час…
Во всём здесь видно Руку Божью.
Отсюда зрим и наш рассказ!
Отсюда наши приключенья
И направлялись, и велись –
Здесь видимо минут свеченье,
Что так, как нужно, удались!

И провожали, и встречали
Все люди Города Дорог,
А звери мордами качали,
Тут даже был единорог!
Без страха войско охраняло
Все рубежи от бед и зла.
Солдаты будто с пьедестала!
И силе этой нет числа!

Игрушек пригласили к Трону,
Где Голос заревом горел!
(Подробней Образ тот не трону –
Я всё же не настолько смел…
И есть еще в одном сомненья,
О чем я тоже умолчу –
Боюсь ошибки откровенья.
Зажгу-ка лучше я свечу!)

Как пред Царём все преклонились,
И было сказано друзьям:
«Дошли вы, не остановились!
И всё по силам было вам.
Вы многим помогли на Свете
И здесь, и в городе родном:
Порвали злобной Ночи сети,
Ее рука пошла на слом,
Когда вы дверь одну забили
Из черной бездны вдоль лесов,
И плод смертельный истребили
Душою чистой до основ.
Вы образумили селенья,
Исправили ошибки их,
Сердца соединили в звенья
Как бы слова в прекрасный стих!

Свой дом повсюду вы искали
И руки, что смогли б обнять.
Все-все, кому вы помогали,
Готовы вас к себе позвать!

Но Мы решили вам в награду
Вернуть того, кто с вами был.
Здоров он! Дней уж десять кряду
Всё ищет вас – он не забыл!
Кого спасли вы, все вернутся
В свои дома – к своим родным,
И дни их больше не порвутся,
Не улетучатся как дым.
Ваш старый дом уже не встанет,
Но будет новый – чист и бел,
А в нем еще светлее станет.
И Ангел Наш его согрел!
Вы снова сможете границу
Между мирами пересечь.
Откройте новую *страницу*!
Минутам разрешаем течь».

Сверкнула молния стрелою,
Нет – будто взрыв невдалеке!
И вот уже передо мною
Родимый город на реке!
Не всё тут по дорогам ровным
Идет, но ведь стезя длинна…
Игрушки же опять с ученым –
Сидят как прежде у окна…
Читают днем его работы,
Хоть и порой не без труда,
А ночью новые заботы –
Уходят вместе – как тогда.

Нужны всегда кому-то помощь,
Участье, дружеский совет,
Вот и уходят тихо в полночь…
И это будет много лет.

Чуть не забыл, Аяврик с ними –
Живет не тужит славный пёс!
Я где-то слышал это имя…
Но это уж другой вопрос.

Оглавление

Глава первая, в которой говорится о страшном происшествии и последующем за ним удивительном чуде, соединившем горе и радость 3

О неизвестном ученом, который любил мечтать и смотреть в окно 4

О его игрушках 5

О страшном и печальном происшествии 7

Об удивительном чуде, по неизвестным пока причинам последовавшем за трагедией 8

О начале путешествия друзей и о растворенных в воздухе голосах из прошлого 10

Глава вторая, в которой говорится о путешествии друзей по родному городу и о тех, кому они смогли помочь 22

О приветливом разговорчивом кустике 22

О спасенной входящей в этот мир новой жизни 27

О страшном случае, произошедшем с Черепашкой, и о том, что, оказывается, зло идет за нашими героями по пятам и всегда готово напасть 29

О том, как буря разбросала друзей 36

О том, как разлука может в конечном итоге привести к долгожданной встрече 38

О том, как случай может соединить двух людей и как этот «случай» был создан 41

О том, как Медведь провалился в колодец, об опасном сумасшедшем и добром прохожем 46

О том, как игрушки прятались под скамейкой
и рассказывали о себе 49

О том, как друзья пошли на риск,
чтобы подарить ребенку счастье 53

О спасении бедной собачки 60

Об атаке зла железными зубами, огнем и водой,
которая завершила первое путешествие друзей..... 61

***Глава третья, в которой говорится
о путешествиях в волшебном мире***..... 74

О человеке, попавшем в яму гордости..... 74

О человеке, плененном стеной
собственных научных идей 77

О людях, схваченных деревьями
тягостных сомнений и неверия..... 80

О людях, захваченных песками сует 83

О стране, находящейся возле пропасти
и об увлеченном волшебнике..... 88

О том, как спасли народ,
переселив его на листья огромных деревьев..... 97

О том, как народ, живущий возле огромного Окна,
перестал бояться окружающего его мира..... 102

Об удивительных предваряющих Город Дорог..... 106

О том, какой он, ГОРОД ДОРОГ 109

Литературно-художественное издание

ШУТЫЙ Анатолий Михайлович

Путешествие в Город Дорог:
Поэма-сказка

Корректор Лариса Николаева
Верстка Анжелика Григорьева

Художники:
Наталья Пастушенко
(иллюстрации и виньетки),
Марина Большакова (иллюстрации).
На обложке фото Александра Четверкина

ЛР № 020640 от 22.10.97.
Подписано в печать 14.11.2017. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 6,74. Тираж 130 экз. Заказ 943.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
432027, Ульяновск, Сев. Венец, 32.
ИПК «Венец» УлГТУ, 432027, Ульяновск, Сев. Венец, 32.